

С Т И Х И

* * *

С Н. Г.

Календарный осыплется лиот.
 Даже вежливость рта не сведет.
 Только ветра мальчишеский свист
 в декабре твои стекла побьет.

Все по силам и все по шагам!
 В этом гулком пустом декабре —
 сколько улиц твоим башмакам?
 Одиночеству — сколько дверей?

Перекрестки Европы — жилье.
 Сквозняковый, смертельный уфт.
 Как ночник, в изголовьи твоём
 тихий свет семафора замгут.

Будет ветер шептать по углам.
 Ни лампы, ни лампы, ни сзги...
 Сколько улиц твоим башмакам
 нынче минуло? — Сбились шаги.

* * *

Ночью. Сядешь по-птичьи.
 Тьма, как в чужой прихожей.
 Хватит ли только спичек
 в руке твоей праведной; Боже!

Нянчишь, сидишь, колена.

Улицы вдрызг промокли.
Там сумасшедшим: стенам
снятся ночами окна.

Куда суждено было кануть
Вам? Ни уму, ни глазу.
В твердь за океаном:
верить не смеет разум.

Чтобы не раскачали,
не опрокинули чтобы
сколько таких ночами
лбом подпирают глобус.

***

Одну свечу по скупости зажег.
Свеча струилась в серый потолок.
И шевелились, образуя круг,
как водоросли — тени из-под рук.

Одна свеча, и пол-свечи, и нет...
А тень в углу застала белый свет.
И вот устал. И вот — совсем продрог.
И паровозный чудится гудок.

Жить при свече, чужих не зная мук.
Да, при свече. Благословляя круг.
Благословляя клавишный оскал
чужих ступеней, коих не познал.

***

Истукан, опрокинутый ниц,
неподвижно застыл на полу.
Люди стаей испуганных птиц
унеслись в морозящую мглу.

И благих не послали вестей,
и забыли об их голосах.
Мыши съели остатки свечей
в заколдованных темных домах.

Идол был опрокинут ниц,
взмах руки недопожат,
недочитаны семь отрывков,
недоплакан поспешный взгляд.

Оторвались, метнулись прочь.
А на шее — петля дорог.
И бездомным не смог помочь
за века позабытый Бог.

Жить в деревянном, двухэтажном доме
о дождем и о садом
и осмотреть
как наполняется бочка в саду от дождя
и как прохрдит жизнь.
И умереть,
увидев как вода взошла над краем бочки,
но не увидев как перелилась через край.

У тебя во сне дремучей кроны
ветра вдох и полусонный взгляд.
Внятен жест ветвей твоих скрепленных:
грустных рук, закинутых назад.

Будет путник так обманут тенью,
что уонет под шелест и прилив,
на корней, оплетенные колени
голову навеки опустив.

И не сломят сонного покоя
ни обняв и ни срубив до пня,
и твое движение любое
только продолжение тебя.

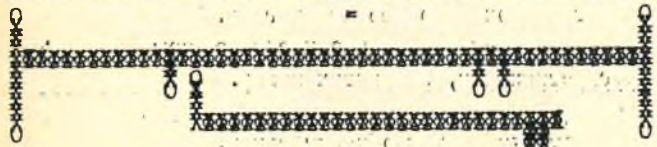
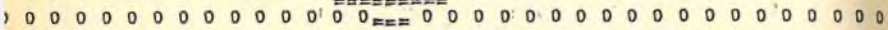
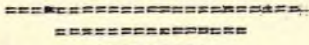
Там, во сне, тебя качает море.

Там, во тьме, зерна сокрытый храм.
Только смерть поделите вы вскоре,
а любовь вы сочтетесь там,

где воли небесные плетутся
воду пить из звездного ковша,
там, где меж собой всегда сочтутся
дерево и сонная душа.

Вырастает из воды и света,
годовыми кольцами шурша,
дерево, любое и вот это --
голая, огромная душа.

Дерево, вот это и любое,
ростом самого себя круша,
вырастает над самим собой
там, где между небом и землей
Божьим плугом вспахана межа.

И   А   Л   Ь   М   А   Н   А   Х
И   И   И   А   Я
И   А   Я

в   н   п   у   о   к   п   я   т   н   я